

Наконец, в тот же день, 1 сентября, Ролан издал обращение к административным учреждениям, которое было расклеено по всему Парижу и где сообщалось об обширном заговоре, задуманном роялистами, чтобы помешать свободному передвижению съестных припасов во Франции. Города Невер и Лион уже страдали от этого заговора¹.

Такие известия довели население Парижа до отчаяния.

Тогда Коммуна распорядилась запереть все городские ворота, велела бить в набат и поднять тревогу пушечными выстрелами. В воззвании к народу она приглашала всех волонтеров, готовых к походу, ночевать в эту ночь на Марсовом поле и на другой же день рано утром выступить в поход.

И тогда по всему Парижу раздался ожесточенный крик: «К тюрьмам!» Там сидят они, эти заговорщики, ждущие только прихода немцев, чтобы разгромить, залить кровью, поджечь Париж. Некоторые секции (Пуассоньер, Почты, Люксембург) решают, что все эти заговорщики должны быть преданы смерти:

«Сегодня же нужно покончить с ними!» - и открыть для революции новые пути!

XXXV СЕНТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Набат раздавался по всему Парижу, на улицах барабанщики били тревогу, каждые четверть часа мерно раздавались три пушечных выстрела, возвещавшие, что отечество в опасности. Волонтеры, отправлявшиеся в бой на границу, проходили с песнями по улицам - и все это вместе взятое в это воскресенье, 2 сентября, доводило до ярости народный гнев против изменников, призвавших иностранные войска себе на помощь.

С полудня или с двух часов дня вокруг тюрем, куда поместили арестованных за последние дни роялистов, стали появляться сборища народа. Около половины третьего, когда недалеко от тюрьмы Аббатства показалось несколько закрытых экипажей, в которых перевозили арестованных священников из мэрии в тюрьму Аббатства, их было 24², на них напало несколько волонтеров, пришедших с юга Франции (из Марселя или Авиньона). Четверо священников было убито, не доезжая до тюрьмы, и двое - при входе в тюрьму, у ее дверей. Остальные были введены в здание Аббатства, но их едва успели подвергнуть самому краткому допросу, как двери тюрьмы взломала толпа, вооруженная пиками, шпагами и саблями, и убила всех священников, за исключением аббата Пикара, учителя глухонемых, и его помощника.

Так начались убийства в тюрьме Аббатства - тюрьме, которая пользовалась очень худой славой среди жителей окружавшего ее квартала. Собравшиеся вокруг нее - все больше люди с известным положением, соседние мелкие торговцы - требовали немедленной смерти содержащихся здесь заговорщиков-роялистов, арестованных после 10 августа. По соседству все знали, что они сыплют золотом, пируют и свободно принимают в тюрьме своих жен и подруг. При известии о поражении французской армии у Монса в этой тюрьме была устроена иллюминация, а после взятия Лонгви здесь громко праздновали победу немцев. Арестованные роялисты осыпали прохожих оскорблениями из-за решеток и сулили всем скорое вступление пруссаков в столицу и истребление революционеров.

Весь Париж говорил о готовившемся в тюрьмах заговоре, о проносившемся туда оружии; все знали также, что тюрьмы стали настоящими фабриками фальшивых государственных ассигнаций, посредством которых пытались подорвать государственный кредит, и фальшивых билетов филантропического учреждения для бедных «Maison de secours».

Обо всем этом говорилось в тех сборищах, которые образовались вокруг тюрем Аббатства, Форс и Консьержери. Скоро толпы народа взломали ворота этих тюрем и начали убивать офицеров генерального штаба, швейцарской гвардии дворца, королевских гвардейцев, священников, предназначенных в ссылку за отказ принести присягу конституции, и роялистов-заговорщиков, арестованных после 10 августа.

¹ *Cranier de Cassagnac A.* Histoire des Girondins et des massacres de Septembre, v. 1-2. Paris, 1860.

² По свидетельству Мере-сына (Mehee fils), их было 16 (*Felhemesi*. La Verite toute entiere sur les vrais acteurs de la journee da 2 septembre et sur plusieurs Journees et nuits secrettes des anciens comitis de gouvernement. Paris, 1794. Сохраняю подлинное правописание заглавия. «Felhemesi» — это анаграмма «Mehee fils»).